

Интервью

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-214-219>

ЯЗЫК — ЭТО ВАЖНЕЙШАЯ ЧАСТЬ КУЛЬТУРЫ: ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДИМИРОМ МИХАЙЛОВИЧЕМ АЛПАТОВЫМ

Елена Сергеевна Сычева¹, Владимир Михайлович Алпатов²

¹ МГИМО МИД России, Москва, Россия

e.sycheva@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1401-3123>

² Институт языкознания РАН, Москва, Россия

v-alpatov@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Interview

INTERVIEW WITH VLADIMIR M. ALPATOV

Elena S. Sycheva¹, Vladimir M. Alpatov²

¹ MGIMO University, Moscow, Russia

e.sycheva@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1401-3123>

² Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

v-alpatov@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Abstract. This paper is an interview with Vladimir M. Alpatov, Doctor of Philology, full member of the Russian Academy of Sciences, distinguished linguist, and expert on Japanese studies. The focus of the interview is intercultural communication and the problems associated with translating languages and cultural realities. The difference between cultures makes it necessary to provide extensive commentaries to make the text comprehensive to foreign readers. Though, Vladimir M. Alpatov notes, the comments depend on the purposes and types of translation, such as academic or literary translation. Symbols are part of a greater symbolic and cultural system. Often it is not the symbol but

© Сычева Е.С., Алпатов В.М., 2021

one's attitude towards the object that causes misunderstanding and requires clarification. Vladimir A. Alpatov gives many examples of how the Japanese view and treat life differently from Russian people. Many discrepancies come from domestic life and economic practices: the Japanese are less knowledgeable about cattle than many other nations. At the same time, insects that are found all around the world receive special treatment and admiration. Vladimir A. Alpatov makes a critical point on the absence of a proper method of studying cultural differences. We observe and list numerous cultural differences, but explanations and theories we come up with have no solid methodological basis. Another topic discussed is machine translation and AI Linguistics used to be considered exact science that implied the possibility of machine translation not assisted by humans. However, it did not happen yet, and the need for human-to-human translation or post-editing is obvious. With literary translation and translation from unrelated languages, the case against AI is stronger — human intuition in translating cultural specifics is indispensable, and various translations rather than a single *canonic* one should be welcome. Differentiation of sciences brought about cultural studies and linguistic-cultural studies that finally embraced the study of language as one of the vital elements of culture. Today many students study foreign languages and are interested in intercultural communication. They need to learn that we can overcome bias and prejudices through personal contact. One more way to promote a different vision of one's culture and country — is to speak about it in an understandable language, for example, on the Internet.

— Владимир Михайлович, когда заходит речь о языке и о межкультурной коммуникации, конечно, первая тема, которая приходит в голову, — это вопросы перевода. И, как мне представляется, одна из основных проблем переводов с японского — это проблема адаптации, того, насколько надо «приближать» текст оригинала к восприятию читателя. Например, в традиционной поэзии есть названия растений, за которыми стоят целые культурные и семиотические пласты. И что делать переводчику — писать длинные комментарии или же как-то иначе поступать?

— Прежде всего, надо иметь в виду, что существует разный перевод для разных целей. Есть академический перевод, где нужно всё перевести как можно точнее, и там прокомментировать каждое слово, всё объяснить. Это один способ, так у нас часто переводят классическую литературу, особенно восточную. А другой способ — это то, чему учил Конрад¹: чтобы читать было интересно, чтобы человек мог «вжиться» в этот мир. Ясно, что что-то всё равно придётся комментировать, но этот способ перевода требует совсем другого.

— А если в тексте встречается какой-то специфический символ, важный для японцев, но непонятный для нас, то как

быть? Если речь идёт о цветущей сакуре или сливе, нам это ещё более-менее понятно, — если не на символическом, то хотя бы на эстетическом уровне. Но вот, например, мискант сусуки чисто визуально, честно говоря, ничего особенного из себя не представляет, а для японцев это важнейший поэтический образ...

— Ну, с одной стороны, японской специфики как таковой здесь нет, потому что, думаю, что у нас тоже много всякого найти... Скажем, русская культура очень сильно связана с берёзой, а всякому иностранцу берёза не покажется чем-то особенно значительным. Ну, белый ствол, ну и что? И в Европе, скажем, в средневековье, существовала своя символическая система, могли там и в любви объясняться с помощью растений. Даже у Шекспира можно найти довольно много примеров такой растительной символики в куртуазных отношениях.

— У *Офелии* было в песне очень много...

— Да, то есть это, в общем-то, достаточно распространённая в мире вещь. Но для японцев, конечно, характерно такое вот особенное чувство природы, и по отношению к растениям, и по отношению к животным, — у них совершенно особое отношение вызывают всякие светлячки, цикады, червяки... С русской точки зрения

¹ Конрад Николай Иосифович (1891–1970) — советский востоковед, д. филол. н., академик АН СССР (1958).

ещё сверчки, кузнечики могут иногда звуки приятные издавать, а, скажем, черви для нашей культуры — это совершенно не показательно, и они не вызывают симпатии. А с другой стороны, у них очень малая дифференциация лексики про скот.

— Да, я вчера на конференции слушала Ваш доклад, и у Вас там был пример с козой яги!

— Да, этот пример мне уже несколько надоел, я много раз его приводил, но я сам наблюдал, как группа японских туристов забыла слово яги. У нас вот сколько, скажем, фразеологии — причём фразеологии не очень литературной, но тем не менее, существующей, и как раз она распространена у необразованных людей, — связанной с козлом! С козой — в меньшей степени, но тоже бывает. А японцы, увидев козу с козлятами, не могли вспомнить, как они называются. Но тут, конечно, крайние случаи, когда всё понятно из условий жизни, — ясно, почему японцы мало разводят скот. Я, когда первый раз приехал в Японию — было это в 1973 г., и наша выставка была не в Токио, а в провинциальном городе, Симидзу, префектура Сидзуока, — наблюдал такое: огромный универсам, отдел продуктов, там много всего, естественно, и при этом нет цельного молока. Сыр там есть, йогурт есть, а вот обычного молока выпить — нет, потому что для японцев молочные продукты всё-таки до недавнего времени были «чужими», хотя сейчас, наверное, дело уже обстоит иначе... Ну вот, к сожалению, фактов много, примеров много, их каждый, знающий два языка, может всегда «накопать», но никакой теории здесь нет, и, главное, нет метода. Теорию, в конце концов, можно как-то придумать, но, чтобы её применить к конкретному материалу, кроме теории, ещё нужен метод.

— А как Вы думаете, вообще невозможно выработать какой-то общий метод?

— Вот это вопрос! Потому что, понимаете, как лингвист я вырос в эпоху, когда

считалось, что лингвистика — это точная наука, что скоро уже будут созданы алгоритмы для всего, и критерием будет возможность реализовать любой перевод на электронно-вычислительной машине, Мельчук² буквально так писал. Однако сейчас уже отношение к этому стало гораздо более скептическим.

— Действительно... А можно ли сказать, что где-то здесь проходит «водораздел» между тем, на что способен машинный перевод как достижение лингвистической науки, и тем, что только человек может передать, пользуясь своим человеческим опытом?

— В общем, да, пока что сейчас чаще всего так и думают. Ну, а вопрос, навсегда это, или в будущем и до этого дойдут, остаётся открытым. Вот на моих глазах много лет работала Зоя Михайловна Шаляпина³, готовила свою систему автоматического перевода с японского. Она с самого начала и не претендовала на то, что с помощью этой системы можно будет переводить художественные тексты, она ориентировалась на научные тексты, научно-технические, — и, в общем, у неё, так же как и у многих других, что-то получалось, но всё равно требовалось постредактирование.

— Я просто думаю, что сейчас есть этот вопрос — и в будущем он будет только нарастать, — где пролегает тонкая грань между человеком и машиной? Сейчас то, что принято называть «искусственным интеллектом», всё больше вторгается в нашу жизнь на всех уровнях, но, получается, перевод остаётся такой сферой, где «человеку нужен человек», особенно в художественном отношении?

— Ну это сейчас нужен, а в будущем — я не знаю, потому что когда-то вот был ранний роман братьев Стругацких — один из которых известный японист, — назывался он «Попытка к бегству». Там изображались люди будущего коммунистического мира, на какой-то планете они наводили

² Мельчук Игорь Александрович (род. 1932) — советский и канадский лингвист, к.филол.н., создатель лингвистической теории «Смысл ↔ Текст». Профессор Монреальского университета (на пенсии с 2009 г.). Почётный доктор Института языкознания РАН (2020).

³ Шаляпина Зоя Михайловна (1946–2020) — российский лингвист и педагог, к.филол.н., автор более 150 научных публикаций.

общественный порядок. И один из них был лингвист, у которого была машина, — он её включил и сразу смог с жителями другой планеты говорить на их языке. Время действия в романе — XXIII в., и считалось, то, что сейчас уже начинает делаться, тогда станет рутиной.

— *Но тут же мы вспоминаем Станислава Лема и его «Солярис», где коммуникацию наладить не удалось...*

— Понимаете, «Солярис» — там что-то принципиально отличное от человеческого, а в «Попытке к бегству», собственно, предполагалось просто дальнейшее развитие того, что уже делается, потому что уже на тот момент опыты машинного перевода были и что-то получалось.

— *Но ведь именно у японского языка своя есть специфика, ряд особенностей, с которыми очень сложно иметь дело при переводе на другие языки?*

— Да, с японского, да и на японский действительно переводить трудно, потому что и я сам не раз чувствовал, что вроде бы все слова и грамматические связи понятны, а смысл ускользает, что по-японски здесь выходит что-то другое по сравнению с тем, что получается из дословного перевода. Особенно я это в первый раз почувствовал, когда попал в Японию и при мне там провозгласили тост за «его величество рабочий класс». Почему так сказать по-японски нельзя? Я попытался перевести дословно, вызывало это, конечно, только смех, потому что по-японски это абсолютно не принято. Ну и другой пример: когда мы для советской космической выставки готовили надписи на стендах, там показывали кино и надо было перевести название фильма — «Здравствуй, лунный камень». Японцы все переводы забраковали, сказали, что буквально это передать нельзя. Естественно, что для каждого слова эквиваленты есть, но обращаться к неодушевлённому предмету — это не по-японски.

— *В итоге, на данный момент у нас получается, что в переводе всё от интуиции переводчика зависит и от его целей?*

— Всё — не всё, но почти всё. Интуиция переводчика, плюс, тоже уже сложились какие-то стереотипы, когда он уже не всегда сам придумывает, а уже пользуется тем, что есть. Но, в принципе, да, конечно... Вообще, интересно, что у нас, в отличие от Японии, существует в области художественного перевода такое стихийно установившееся правило, что есть какой-то перевод, который становится каноничным. Допустим, Нора Галь в 1950-е гг. перевела «Маленького принца», и сколько раз его переиздавали? А в Японии однажды мне приходилось читать статью о том, как разные переводы «Маленького принца» на японский — их там где-то с десятков, — переводят те или иные реалии. Поэтому, конечно, чем будет больше переводов, тем лучше. Но вот у нас действительно есть такая вот традиция, иметь канонический перевод и больше ничего.

— *Кстати говоря, к вопросу о переводах и реалиях. Традиционно ведь у нас в стране культура Японии изучалась филологами, историками, но не так давно появилась новая специальность — культурология, и в ней выделяется также лингвокультурология, которая изучает, как именно культурные реалии отражаются в том или ином языке, в том числе и в японском. На Ваш взгляд, скажется ли это положительно на исследованиях именно по культуре Японии?*

— Конечно, дифференциация наук усиливается, — политологии тоже ещё сравнительно недавно не было, хотя, конечно, политологические сюжеты изучались. То же самое с культурологией. Как раз один из самых знаменитых наших японистов, Николай Иосифович Конрад говорил, что он культуролог — тогда ещё говорили «культуровед», — и что его интересует японская культура в различных её проявлениях. Хотя всё-таки очень трудно объять необъятное, а в ту эпоху надо было всем заниматься, самыми разными областями. Что же касается лингвокультурологии, то, как известно, ещё Гумбольдт⁴ писал, что язык — это важнейшая часть культуры. У нас тради-

⁴ Гумбольдт Вильгельм фон (1767–1835) — немецкий мыслитель, философ языка. Выдвинул масштабную теорию языка, понимаемого не как продукт деятельности, а непосредственно как деятельность. Разработал концепции связи языка с мышлением и культурой.

ционное востоковедение любило изучать религию и всякую общественную мысль, если она была, а язык рассматривало только как вспомогательное средство, — так считал, скажем, Ольденбург⁵ и учёные, у которых учился Конрад. Но сам Конрад как раз об этом и писал, что в его времена уже надо было преодолевать такое отношение к языку.

— *Вообще сложно себе представить, что такое когда-то было, честно говоря, даже слушаю — и мне не верится...*

— Ну, Вы понимаете, во многое уже не верится, а это всё было. Но понятно, что культура — это более широкое понятие. У нас об этом много Лотман⁶ писал, что бывает и культура еды, бывает и культура отношения к природе. И что касается японцев, мы уже говорили, что, например, всякие мошки-червяки, светлячки, занимают гораздо большее место в культуре, чем у нас, так же как и разные каракатицы и крабы, — ну, второе, конечно, легко объяснить условиями жизни, а вот с червяками и с мошками уже не так ясно.

— *Владимир Михайлович, а вот ещё вопрос относительно дальнейших перспектив нашей японистики. Сейчас российско-японские отношения очень активно развиваются в сфере культуры, больше всего происходит культурных мероприятий и контактов. На Ваш взгляд, в каких областях россияне могут впечатлить японцев с хорошей стороны, чтобы нам дальше выстраивать какие-то благополучные отношения?*

— Ну, понимаете, когда люди между собой общаются, они друг друга узнают. И если люди хорошие, то это как-то всё-таки становится ясным. У нас, конечно, с обеих сторон национальные предубеждения присутствуют, причём у японцев они больше,

чем у русских. И понятно, что когда о человеке судят понаслышке, то на восприятие начинает влиять уже пропаганда, средства массовой информации, а с другой стороны, и люди, где-то бывавшие... Тут, конечно, много сложного. Понимаете, отношение к Советскому Союзу ведь тоже менялось. Как раз когда я начинал учить японский язык, оно было сравнительно хорошим, — тогда и про острова совсем не вспоминали, и, как мне сами японцы говорили, в университетах по естественнонаучным специальностям считалось хорошим тоном читать по-русски. Это было в шестидесятые годы. Когда я в 1973 г. приехал в Японию, это, в общем, уже начало угасать, но ещё отчасти сохранялось. И вот тогда как раз проходила наша космическая выставка — надо сказать, что народ ходил мало, но, тем не менее, всё это было. А потом, когда сбили южнокорейский самолёт, и так далее, то началась пропаганда — Афганистан и прочее, — и всё дальше пошло хуже. Но, в конце концов, всё зависит от конкретных людей.

— *Владимир Михайлович, я с факультета Международной журналистики, у нас тоже готовят японистов, и, в связи с развитием интернета, я всё думаю: если делать проекты, в которых о России будут рассказывать на японском языке на разных платформах, в социальных сетях и так далее, есть ли шансы что-то в наших отношениях изменить?*

— Нет, ну всё это, конечно, надо делать. Традиция у нас есть, и надо её расширять, конечно, потому что много есть всяких стереотипов, и надо показать, какие русские на самом деле, — что они вовсе не медведи, и так далее... Только надо работать, — тут всё, по-моему, достаточно ясно.

— *Так и передам нашим студентам!*

⁵ Ольденбург Сергей Фёдорович (1863–1934) — российский и советский востоковед, один из основателей русской индологической школы, академик Российской академии наук и Академии наук СССР.

⁶ Лотман Юрий Михайлович (1922–1993) — д. филол. н., профессор, академик Академии наук ЭССР. Советский и российский литературовед, культуролог и семиотик.

Информация об авторах

Елена Сергеевна Сычева — кандидат культурологии, доцент кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Владимир Михайлович Алпатов — доктор филологических наук, академик Российской академии наук по Отделению историко-филологических наук, заведующий отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1 (Россия)

Information about the authors

Elena S. Sycheva — PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of International Journalism, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Vladimir M. Alpatov — Doctor of Philology, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Languages of East and Southeast Asia, Head of Research Center on Ethnic and Language Relations at the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, 1 bld., 1 Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, Russia, 125009 (Russia)